

Приложение

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ Б. ФИРСОВА «РАЗНОМЫСЛИЕ В СССР. 1940–1960-е ГОДЫ: История, теория и практики» (2008)¹

Николай Вахтин, ректор ЕУСПб: Это для нас большая честь. Несмотря на все неприятности, мы, как и предполагали, проводим в апреле эту презентацию в здании на Гагаринской, пережив все «пожарные тревоги». Это необычайно приятно. Мы надеялись на это, но не были уверены. Теперь университет функционирует полностью. И мы можем продолжать. В начале предоставим слово автору этой замечательной книги, который прячется за ней, но сейчас он выйдет к народу.

Борис Фирсов: Я скажу несколько слов для того, чтобы вы лучше представляли себе, зачем я написал книгу. С давних пор, еще с перестроечного времени я начал размышлять о том, почему так бесславно закончилась история великого, могучего Советского Союза. Это было предметом моих сложных размышлений. И я сформулировал для себя гипотезу, что это произошло вследствие особого развития массового и индивидуального сознания, в том числе моего, в сторону, обратную той, которую указывали все «дорожные карты» Советского Союза. То есть это была своеобразная контрреволюция сознания. Монолит системы разрушался прежде всего вследствие этого явления. Я решил его исследовать. И мне здесь очень помогла мысль Тейяра де Шардена. Я ее взял в качестве эпиграфа к моей книге. Он сказал: «Ничто в мире не может объявиться в конце после ряда совершаемых переходов, если оно незаметно не присутствовало в начале». Таким образом, сформировалась исследовательская задача: искать это «ничто», что было в начале, но оставалось незаметным.

Следующий шаг состоял вот в чем. Опираясь на впечатления от прожитой жизни (ведь писать следовало о том, чему я был свидетелем, а то

¹ Презентация проходила в Европейском университете в Санкт-Петербурге 25 апреля 2008 года. Запись выступлений на презентации и их расшифровка были сделаны *Татьяной Косиновой* (НИЦ «Мемориал», Санкт-Петербург).

и участником), я предположил, что не только в хрущёвскую эпоху, но и в условиях «вечной мерзлоты» послевоенного сталинского периода люди искали и находили способы оставаться самими собой, они сопротивлялись разными способами принудительному единодушию, в которое их вгоняла система и власть. Проследить этот тренд или это явление на примерах коллективных широких действий в те времена было невозможно, поэтому я опустил на уровень индивидов и малых групп. И это для меня оказалось обнадеживающим. Искомое «нечто», которое «незаметно всегда присутствовало в начале», я обнаружил в высказываниях, в суждениях моих современников. Позволю себе одну ссылку на Сергея Юрского. Не так давно он написал: «Плоха была советская власть. Очень плоха. В такие тупики она нас загоняла, из которых выберемся ли — большой вопрос. Но опыт терпения, опыт тайной духовной жизни народа, опыт не только героического диссидентства, но и глубинного, подспудного сохранения себя как личности в толпе (вот, собственно, здесь начинают проглядываться контуры разномыслия. — Б. Ф.) — этот опыт бесценен». За этот опыт я ухватился, как за нить Ариадны, и в итоге уже в событиях послевоенных 1940-х годов увидел признаки брожения умов, увидел то, что один из моих коллег-социологов образно назвал «закладыванием кумулятивных зарядов в стену советского общества». Их начали закладывать в 1940–1950-е годы, но «рванули» заряды позже, в 1980-е. Многие, может быть, об этом не думают, но это факт: брожение умов было причиной катастрофы, причиной распада нашей страны. Итак, разномыслие помогло разрушить броню принудительного единодушия, в которую была закована репрессивным сталинским режимом страна и ее народ.

Но плоды этой победы — теперь я уже перехожу к нашему времени — смогло пожать нынешнее российское общество. И хотя в своей сути современный человек остался уязвимым, он мало или ничуть не прибавил интеллектуально, духовно, морально, но все же след от высвобождения энергии разномыслия остался, сохранился. Это — обертоны нового мироощущения, носителями которого мы все являемся. А в чем оно состоит? Это дрящее и по сей день сознательное отторжение от какой бы то ни было единой доктрины, общей идеологии, от необходимости маршировать строем и петь маршевые песни в общем строю.

Периоды хрущёвского, горбачёвского и ельцинского правления воспринимаются как «оттепели» или как *lucida intervala* (в психиатрии этот термин означает периоды просветления сознания). Но, к сожалению, сквозь призму последних лет, сопоставляя эти времена с настоящим, нельзя не почувствовать холод атмосферы путинской России. «Метеосводки» моих коллег-социологов, равно как и мои собственные наблюдения за общественным климатом страны, указывают на «подмораживание» демократии, на ограничение дарованных конституцией свобод. Тогда возникает вопрос: а как же быть с разномыслием? Что с ним делать? Ведь оно же есть, оно дает о себе знать! Сказать, обращаясь к старой лексике, что люди по-прежнему нуждаются или еще сильнее нуждаются в единственно правильном, непобедимом

учении, было бы слишком беспомощно перед явью осознающего свою самостоятельность человека, по-советски. Поэтому тема разномыслия личности в современном российском обществе по-прежнему ждет своих исследователей.

Николай Вахтин: У этой книги два рецензента. Андрей Николаевич Алексеев и Олег Валерьевич Хархордин. К сожалению, Андрея Николаевича нет здесь, он в отъезде, но он прислал отзыв на книгу, который попросил зачитать (отзыв А. Алексеева приводится полностью).

Андрей Алексеев, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, кандидат философских наук: Внимательно ознакомившись с рукописью названной книги, хочу сразу определить свое отношение к ней как замечательному труду, который станет весьма заметным событием современной российской общественной мысли. Мне хотелось бы исчерпать этим заявлением свою функцию официального рецензента, а дальше — воспользоваться случаем поразмышлять над этим фундаментальным трудом.

1. В чем я вижу принципиальное новаторство этой работы? Во-первых, в совершенно особом месте ее автора в истории новейшей российской социологии. Здесь идет в расчет и собственно научный, и организационный, и общекультурный личностный вклад.

Во-вторых, Не имеет, мне кажется, прецедентов «равноправное» соединение в одном труде теоретического и исторического (объективного) исследования структуры и динамики советского менталитета, с одной стороны, и персоналистской (субъективной) жизненной ретроспективы — с другой.

В-третьих, это отважная попытка обобщения отечественных и русскоязычных зарубежных исследований феномена «человека советского» — от момента его (этого феномена) зарождения до его «зрелого» состояния.

В-четвертых, книга последовательно и убедительно опровергает вульгарные представления о ментальной однородности советского общества, будь то в просоветских («морально-политическое единство») или постсоветских («все — совки!») версиях. Выдвинутое автором понятие «разномыслие» позволяет хорошо понять все разнообразие факторов, проявлений и последствий этой ментальной неоднородности, в сущности спасшей наше общество от полного окостенения и воплощения в жизнь антиутопий Замятина или Оруэлла.

«Разномыслие» — это не только разнообразие ментальностей в рамках одного поколения, но и существенные различия между поколениями («отцов» и «детей», «дедов» и «внуков») в советском обществе. В известном смысле, главным героем книги является поколение «шестидесятников», к которому автор сам принадлежит.

Наконец, в-пятых, — это просто увлекательная книга. Это — серьезное чтение, и увлекательность здесь не сюжетная, а интеллектуальная.

2. Композиция книги и свободна, и строга. Последовательность глав подчиняется хронологической (исторической) логике, их внутренняя структура изобилует ассоциативными переходами от истории к теории и от теории к «практикам», со свободным парением между этими тремя полюсами.

Автобиографические мотивы то проникают в ткань объективного повествования, то сосредоточиваются в специальных разделах «Автор свидетельствует». Надо сказать, что автор не щадит себя, мера его самокритичности достаточно высока. Говоря коротко, автор интеллектуально честен. И это обеспечивает доверие к нему читателя. Я могу пожалеть, что автор скуп на автоцитирование и использование документальных свидетельств из собственной жизни. Но уж зато там, где он их приводит, это сильнейшие аргументы в пользу как точности его исторических оценок, так и справедливости теоретических утверждений. Одно только Приложение — расшифровка знаменитой передачи «Литературный вторник» Ленинградского телевидения и стенограмма ее обсуждения в Комитете по радио и телевидению в 1966 г., с последующими оргвыводами, чего стоит!

3. Позволю себе небольшое отступление в пользу интерпретации известных карьерных «взлетов» и «падений» автора. Уже не помню, кто первый (в 70-х гг.) сказал: «Фирсов стал бы секретарем ЦК (КПСС), кабы не был так умен» (почти фольклор!). При всей идеологической «зашоренности» первого послевоенного поколения (тех, кто вступил в сознательную жизнь во второй половине 40-х), при всей социальной «послушности» того слоя, к которому он стал принадлежать, Б. Ф. был, конечно, на этих постах (секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь райкома КПСС, директор ЛенТВ) белой вороной. И слава Богу, что, пройдя все номенклатурные искусы, он в конце 60-х сумел уйти в науку (где, впрочем, своих искусов хватало).

Человек сумел прожить несколько «разных» жизней, оставаясь при этом самим собой и самореализуясь по максимуму как в каждой из них, так и в целом.

4. Сам автор своим тогдашним (50–60-е гг.) «мирочувствием» (словечко Б. Ф.), сознанием и поведением являет собой яркий пример того, разумеется, урезанного (временем, обстоятельствами...) — тут какое слово употребить? — не «инакомыслия» (это слово занято совсем другим социальным типом), но — ИНО-мыслия, РОЗНО-мыслия, ВОЛЬНО-думства, свободомыслия, нон-конформизма, анти-догматизма, внутренней не-зависимости, САМО-стояния (словечко А. С. Пушкина), инако-действия (об этом позже). В идеологическом плане это, пожалуй, объемлется (в ту пору чуть ли не бранным...) словом «либерализм». Но нам здесь важно усмотреть нравственную и — шире — мироотношенческую позицию.

Все приведенные выше определения относятся уже не к обществу (как в случае «разномыслия»...), а к личности, ну, может быть, к группе, в которой распространен или преобладает этот личностный антипод ЕДИНО-мыслия.

ВОЛЬНОДУМСТВО (остановимся пока на этом термине) может проявляться в любой сфере человеческой деятельности — в культурной, бытовой (в широком смысле), профессиональной... В известном смысле, это синоним «творческой личности».

Потому несколько странно выглядит употребление термина «разномыслие» применительно к личности, индивиду. Оно правомерно при рассмотрении динамики личностного сознания, различного в разные периоды

жизни и разные исторические времена. Что же касается «двоемыслия» (чему у автора посвящен специальный раздел), то это своего рода «социальная шизофрения» (раздвоение личности), поражающая индивидов и охватывающая тоталитарное общество в целом. Но и своего рода «иммунная система», помогающая личности удержаться от саморазрушения.

Вообще, — и не только в тоталитарных обществах! — наряду с «двоемыслием» (что предполагает все же некоторую долю лицемерия...) уместно говорить о «ситуационной морали», когда в разных ролевых ситуациях человек искренне ведет себя прямо противоположным образом. (Например, дружинник, в советские времена, усердно ловивший выпивающих в сквере, сняв красную повязку, немедленно, «законно», распивал бутылку в соседней подворотне.)

5. Теперь — об ИНАКОДЕЙСТВИИ. Термин этот вроде бы предложен мною (по крайней мере, нигде прежде его не встречал). Дело в том, что хоть и не монолитна система, равно как и оправдывающее ее сознание, однако влияния «господствующих мыслей эпохи» (выражение К. Маркса) не избежал, наверное, никто. Все люди — дети своего времени. Тем не менее в сходных обстоятельствах все поступают по-разному. Есть, конечно, более или менее общепринятые и распространенные стандарты поведения, которым следуют. Но бывают и «мутации». Эти социальные мутации сплошь и рядом скорее поведенческие, чем осознанные. Они могут быть вызваны глубоким общественным «подсознанием» или индивидуальными особенностями личности.

И вот, думая в общем «как все», некоторые поступают «не как все» (иногда), они что-то (как говорится) «себе позволяют». Из этих маленьких, иногда случайных, а у некоторых — и систематических отклонений и рождается «САМО-стоятельный» человек. Таких было не так мало во все времена, и в советские годы тоже, даже в условиях тотального государственного террора, не говоря уж об «оттепелных» обстоятельствах. Вот об этом социальном феномене книга Бориса Фирсова. И не случайно — она также о самом авторе. Ибо он сам из этих «мутантов».

6. Одно читательское замечание. При изобилии материалов, привлекаемых из разных русскоязычных источников, автор наряду с прямым цитированием часто использует прием переложения или пересказа. При этом все ссылки на месте, но мы имеем дело с текстом все-таки не первоисточника, а автора данной книги. И когда возникают некоторые содержательные или стилистические претензии к такому тексту, не знаешь, кому их предъявлять — автору или «переводчику». Поэтому здесь не буду их предъявлять никому. Однако сожаление на этот счет и соответствующее пожелание — для будущих переизданий книги — остается.

Олег Хархордин, проректор ЕУСПб, второй рецензент: Рецензия моя достаточно простая, но опирается на две непростые мысли автора книги. Первая непростая мысль Бориса Максимовича выражена самим названием книги. Вообще, время думать о том, куда же исчез тот монолит, который

назывался Советский Союз, было выбрано правильное. В той дисциплине, которую я преподаю — т. е. в политической теории, есть распространенное мнение, что многие великие труды написаны после крушения великих политических систем. То есть, тогда, когда тем, кто был до этого в самой гуще событий, вдруг стало нечем заниматься, и они обратились к теоретической рефлексии. Например, когда Цицерон писал свои знаменитые речи и сражался за сохранение республики в Риме, у него почти не было времени писать философские трактаты. Зато как только он был изгнан из Рима и уединился в Тускулуме, деваться ему было некуда и там он и написал за последние годы жизни свои основные философские работы. То же самое с Макиавелли. Величайшие работы по политике выходят тогда, когда он не у дел, республика рухнула, Медичи снова у власти, и есть время все продумать и описать. Я очень рад, что у Бориса Максимовича тоже появилась в конце концов возможность отвлечься от практических забот и написать труд, который претендует на некоторые фундаментальные выводы о нашей эпохе. И, как я уже сказал, первый вывод содержится уже в самом названии книги. (Это замечание, конечно, не значит, что, прочтя название, можно не читать все остальное!)

Дело в том, что Фирсов предлагает новое решение для споров последних двух десятилетий, которые шли вокруг проблемы наличия или отсутствия гражданского общества в Советском Союзе. Дискуссии, о которых я часто рассказываю студентам и теперь, — во многом сводились к оценке споров на московских кухнях во время брежневского режима. Например, обычная московская кухня 70-х и начала 80-х годов, разговоры там за стаканом чая (и не только), с сигаретами, с критикой власти и с убийственными для нее анекдотами, с любовью и настоящими чувствами, которых нет в официальном советском обществе, — в общем, все то, что описывает Алексеева в книжке «История инакомыслия в СССР», то, что там происходило, — это был протест или нет?

Две противоположные точки зрения на эту тему были высказаны достаточно давно. Схватываются они обычно терминами «двоемыслие» и «инакомыслие». Первый термин — «двоемыслие» — можно рассматривать как термин, пришедший к нам отчасти из Оруэлла, с его английским термином «doublethink». Представление о том, как функционирует двоемыслие, примерно следующее: советский человек живет как бы в двух вселенных взаимноисключающих смыслов, но без проблем переключается между этими вселенными. То есть ты говоришь одни вещи, когда ты сидишь на кухне и споришь с друзьями, и говоришь совершенно противоположные, когда приходишь на комсомольское или партийное собрание и начинаешь поднимать руку во время обсуждения или голосования. Даже если ты голосуешь автоматически, не слушая, про что идет речь на собрании (например, в этот момент ты занят чтением газеты или записки приятеля), ты все равно поддерживаешь систему. То есть «двоемыслие», которое позволяет решить проблему квазишизофренического раскола в душе и жизни советского человека, играет главную функцию в поддержании системы. А «московская кухня», как одна из самых важных сфер такой двойной жизни, рассматривается как часть этого меха-

низма, поддерживающего систему. Поэтому в критическом ниспровержении режима на кухне ничего хорошего нет, согласно этой интерпретации: гневные речи или едкие анекдоты, направленные против системы, давали возможность выпустить пар, а потом без проблем пойти на собрание и поддерживать систему, если не словом, так действием.

Такой позиции в оценке кухонь и кухонных дебатов противостоит позиция, связанная с термином «инакомыслие». Разговоры на кухнях рассматриваются как феномен, который в конце концов противостоял системе, так как в диссидентских обсуждениях готовилось то небольшое, что достойно называться реальным противостоением. И даже могло оказаться примером сопротивления для тех советских людей, кто не мог себе такое позволить. Например, откуда взялся поступок тех восьми человек, которые в 1968 году вышли на Красную площадь протестовать против оккупации Чехословакии? Где он мог быть подготовлен? На такое были способны не многие, но подобные великие поступки готовились на кухнях, где практиковалось именно инакомыслие.

Дебаты о том, рассматривать ли подобные разговоры как поддерживающие или подрывающие систему, идут уже почти 20 лет. Так вот, книга Бориса Максимовича мне понравилась тем, что она, вместо того чтобы занять позицию «за» или «против» одной из двух этих точек зрения, представляет собой попытку дать нам категорию, которая не вписывается в упрощенную оппозицию «за» или «против». Действительно, любая дискуссия, которая сводится к дихотомии, к противопоставлению точки зрения «за» и точки зрения «против», «положительного» или отрицательного», примитивизирует реальную проблему. И поэтому хороша новая категория, которую предлагает Фирсов: «разномыслие» показывает, что все было гораздо сложнее и реальность не укладывается в рамки простого «за» или простого «против». Нельзя сказать, что деятельность советских людей по критике режима была анти-системная. Но, наоборот, нельзя и сказать, что она была просистемная, однозначно была элементом, поддерживавшим систему.

Есть такой французский мыслитель Деррида, которого иногда даже цитировать страшно, настолько он стал для многих синонимом ненужного усложнения. Но у него есть и совсем простые мысли. Например, он предложил категорию *undecidable*, «нерешаемого» — это когда обсуждаемый феномен можно одновременно записать и в «за», и в «против»; и в «не-за» и в «не-против». Знакомо? Базовая идея здесь, однако, заключается в том, что надо подорвать любые двоичные виды теоретизирования (как говорил Деррида, надо подорвать так любимые нами «бинарные оппозиции»), предложив более сложные категории. Жизнь сложна и не укладывается в «черное — белое», «за» или «против» и т. д. Нужны термины, которые схватывают тончайшую специфику жизни и одновременно являются «нерешаемыми». Их трудно записать в тот или иной лагерь, партию, часть простого двоичного противопоставления. Так вот, фирсовская категория разномыслия как раз наконец отражает многие стороны сложности жизни в Советском Союзе. Поэтому мне и показалось, что это была во многом основная находка, которая

потом раскрывалась на сотнях страниц книги. Борис Максимович интуитивно и адекватно схватил то, что прожил телом и духом.

Дело в том, что эта новая категория — в самом своем названии — очень удачно укладывается в ряд категорий, которые теоретики используют для описания тех политических систем, которые существовали в Европе до Нового времени и до нынешнего господства либерализма. Я имею в виду общества, которые имели некоторый *telos*, некоторую цель общественного и политического развития, которую они стремились достигнуть или реализовать. Вариантов много. Мы или «строим коммунизм», или хотим «достичь блаженства, когда благодать Христова снизойдет на нас». В самой первой для классической политической теории формулировке, предложенной Аристотелем, цель такая обобщается наиболее просто. Согласно ему [Аристотелю], люди объединяются в полис не для того, чтобы «просто жить», а для того, чтобы «жить благим образом». Так вот, политические системы Нового времени, о которых мы говорим после трудов Гоббса и Локка, обычно характеризуются как такой тип политического устройства, где люди отказались от телоса, т. е. от цели, к которой должно стремиться все общество. Теперь нет суммы благ, которых мы должны достичь, — если мы следуем Аристотелю или Фоме Аквинскому, другим христианским или коммунистическим интерпретациям. Наоборот, современная, или нововременная, политика характеризуется как раз отсутствием общей цели, каждый человек имеет свою (религиозную или духовную) интерпретацию того, куда он идет или мы все должны идти, но он не может навязать ее другим. Мы все теперь живем вместе, руководствуясь очень простым механизмом — не стремимся чего-то достичь вместе или построить какой-либо общественный идеал, а просто пытаемся ограничиться тем, что [стремимся] с меньшими затратами избегать неудобств жизни вместе. Это основной либеральный посыл — не требовать достижения чего-либо хорошего (так как интерпретаций того, что такое хорошо, слишком много), а требовать избежания, по крайней мере, одной плохой вещи, о которой все знают, — ситуации, когда нет закона и порядка, когда все воюют со всеми.

В противовес этому нововременному или либеральному видению, системы, опирающиеся на представление об искомой общей цели развития, использовали специальные термины, чтобы описать свои специфические характеристики. Например, в текстах Аристотеля мы находим термин *homonoia*, а у Цицерона и христиан со времен Августина те же самые качества схватывались термином *concordia*. *Homonoia* — это, конечно, обычно переводится как «единодушие». Однако лучше сказать «единоумие». Так можно перевести этот термин, опираясь на его греческие корни. *Concordia* — если опираться на латинские корни, можно перевести как «единосердие». Советский Союз характеризовался подобной категорией, и ее мы все знаем — это «единомыслие». Фирсов схватил эту центральную советскую категорию в ее отрицании, предложив назвать то, что сразило, убило и пригвоздило единомыслие. Это и было разномыслие. Я хочу сказать, что в одной этой категории Борис Максимович предложил нам термин, сравнимый по тонкости и центральности с терминами, которые находишь в учебниках, когда читаешь изложения тео-

рий, например, Аристотеля, Цицерона или Фомы Аквинского. А возможно, сам он об этом и не особо задумывался. Я — за такую мощь интуитивного прорыва интеллектуальной переработки собственного опыта!

Второе, что я хотел бы подчеркнуть, — это не академический, а личностный аспект книги. То есть не информацию, содержащуюся в данной книге, а еще что-то, что находится в толще этого тома. В книге очень много цитирования. Когда я стал читать, то подумал: боже мой, цитат слишком много и все это очень близко к идеалу, который как-то сформулировал один из основателей Франкфуртской школы Вальтер Беньямин. Один из порывов Беньямина сводился к тому, что Ханна Арендт сформулировала следующим образом в предисловии к первому изданию его трудов на английском языке. Она сказала: это был гениальный человек, который не боялся издать книгу, которая вся бы состояла только из чужих цитат, и в ней не было бы ни одной строчки, написанной самим Беньямином. Даже, наоборот, он хотел издать такую книгу как предел авторского достижения (но не успел).

Мы можем сказать, что Борис Максимович на пятьдесят процентов в направлении этого райского идеала продвинулся. Могу сказать, что после прочтения (преодоления? пережевывания?) первых ста страниц фирсовского цитирования других авторов, которое во многом ложится, как лыко в струю основного изложения, я стал задавать себе вопрос: а что я чувствую, когда я это делаю? что происходит со мной как с читателем? И у меня такое впечатление сложилось, [что] он достигает с помощью этого «эффекта Солженицына». Ведь «Архипелаг Гулаг» — бесконечно длинная книга, ее читаешь и читаешь. У Льва Толстого меняется сюжет, у Достоевского герои ведут себя непредсказуемо через каждые 20 страниц, а в книге Солженицына сюжет не меняется. Все одно и то же: кошмар на кошмаре сидит, кошмаром погоняет; очередная история вгоняет тебя уже не в слезы и гнев, а в пот и кровь. Почему? Эффект Солженицына, эффект «Архипелага Гулаг» сводится к следующему: читателю нужно и должно прожить все это в процессе чтения этого очень долгого текста. Схожим образом я могу сказать то же самое и про «Разномыслие». Заслуга книги — не только в ее тезисе (об этом я сказал выше), но в том опыте чтения, который предлагается читателю: в опыте долгого и длинного переживания того, что такое был Советский Союз. Мы к книжкам можем относиться, как к документам, а можем — как к монументам, писал Фуко. И это — лучше, ведь тогда мы смотрим на то, что книги с нами делают, а не на то, что они нам шепчут. Да и в основании русской культуры лежит подобное отношение к книге — ведь мы все знаем: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Я закончу банальностью: спасибо за памятник!

Эдуард Тропп, главный ученый секретарь Санкт-Петербургского наукоцента РАН, доктор физико-математических наук: Книжка интересная и сложная, и читать ее интересно, но, безусловно, очень сложно. Переходы от теории к полевым исследованиям и к эмпирическим данным дополнительно толкают к перечитыванию текста. Характерно, что особый тип исследовательской деятельности, я имею в виду наблюдающее участие, которое в свое

время практиковал первый рецензент книги, А. Н. Алексеев, постоянно присутствует в книге Фирсова. Очень удачно выбрана основная категория — *разномыслие*. Но разномыслие — это не просто удачный термин. На мой взгляд, это заданное направление исследования.

Близко к этой основной категории стоит и отдельно обсуждается двоемыслие. Везде, где в основе мировоззрения лежит вера, на мой взгляд, и то и другое, разномыслие и двоемыслие могут в определенный момент «сосуществовать», существовать одновременно. Известны аналогии между марксизмом и церковью, воплощенной церковью в Советском Союзе. В вере двоемыслие может проявляться из-за того, что сомнения совершенно неизбежны. Недавно в связи с подготовкой лекции на тему «Наука и религия» в Алферовском научно-образовательном центре я познакомился с книжкой Йозефа Ратцингера, нынешнего Папы Бенедикта XVI, «Введение в христианство», которую он написал еще в молодые годы, лет 30–35 назад. Достаточно смелая книга, для меня так вообще неожиданно смелая. В книге рассказывается о том, как одна из признанных католической церковью святых — святая Тереза, если я правильно запомнил, испытывала муки сомнения, хотя была уже по образу жизни и убеждениям очень сильно верующая католичка. Сегодня, когда шел сюда, я вспомнил, что сам основатель российской версии марксизма на самом деле тоже страдал двоемыслием. «Ни в коем случае нельзя обращаться к врачам-большевикам», — предупреждал он своих друзей и близких, как бы забывая в таких случаях, что партия большевиков претендовала на провозглашение истины в последней инстанции. Хорошо лечить людей врачи-большевики, с головой погруженные в политику, не могли. Но эта истина открывалась немногим. Насчет его продолжателя не знаю, но думаю, что всегда на фоне его социализма проступали какие-то усвоенные в семинарии взгляды.

Не принято научные книги критиковать за то, чего в них нет. Критиковать следует за то, что есть. Тем не менее, основываясь на тезисе, что книга о разномыслии в СССР обозначает начало исследований в новом направлении, выскажу несколько мыслей, которые неизбежно возникают при ее чтении. Эта книжка описывает появление разномыслия в нашей среде, то есть у интеллигенции, которая занимается общественными науками. А было бы очень интересно изучить этот феномен на примере других социальных групп или слоев. К примеру, религиозная тема не затронута вовсе, но если, скажем, взять катанкомбную церковь, ее членов, то разномыслие их никогда не покидало, они всегда боролись за правоту своей веры, выступали как против догматов официальной церкви, так и против официальной политической идеологии.

Второе, чего, по-моему, не хватает, это контрольной группы. В книге описана группа интеллигентных мальчиков 1930 года рождения. А что с другими было? В частности, мы прослеживаем судьбу первого секретаря РК КПСС одного из районов города Ленинграда. Но тогда было 15 районов, в каждом из них был райком партии, возглавляемый тремя секретарями — первым, вторым, третьим... Одновременно эти должности занимали 45 человек. Как эволюционировали 44 остальных секретаря? Что думали? Как глушили

свои сомнения? Это было бы страшно интересно. Двомыслие появляется в записках тех людей, которые сейчас остаются будто бы приверженцами коммунистической идеологии. Есть на этот счет широко доступные материалы.

Что касается личного отношения, то все время читаешь и сравниваешь с собой и со своим поколением. Мы, будучи чуть-чуть помоложе, были младше на всех описанных этапах советской истории, вступали в эти этапы позднее, с задержками, проходили через них позже. Но очень все это было одинаково, повторялось в деталях. В книге есть интересный момент: откуда взялось и когда появилось выражение «культ личности»? На какой-то роман Вы ссылаетесь, я романа этого не знаю. Зато, Борис Максимович, я точно помню момент, когда это слово вернулось на страницы печати после очень большого перерыва. Случилось это ровно 14 марта 1953 года, в день похорон в Москве Клементы Готвальда. Но сам термин возник в 1920 году, когда Ленин употребил его в день своего 50-летия. Именно тогда его потихонечку стали забывать. В мартовские дни 1953 года всем управлял Лаврентий Павлович Берия, и он решал, какие слова можно вводить в оборот, а какие — нельзя. Вот он, по всей видимости, тогда и распорядился. Словечко — культ личности — вставили в передовую «Правды». Долгие годы я думал, откуда я знал это слово? Извините за личную деталь, в 6-м классе я учился в то время, и мне показалось, что я узнал его из книжки литературоведа Метченко о творчестве Маяковского. На днях мне книга эта попалась при уборке в квартире. Оказалось, что она вышла в 1954 году. Но это не для того, чтобы с Вами спорить или хвастаться, а просто для того, чтобы сказать, что это затрагивает и вас, и следующее поколение.

Возвращусь к началу. Безусловно, книжка Бориса Максимовича — итог большой научной работы и жизненный большой итог, но, на мой взгляд, это и старт нового и серьезного направления социологии. Спасибо.

Мэри Крюгер, генеральный консул Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге: Благодарю за приглашение присутствовать сегодня. Впервые, это честь, потому что очень глубоко почитаю, уважаю профессора Фирсова. Также мне очень приятно принимать участие в научной жизни университета. К сожалению, я еще не имела возможности читать книгу, но, пока я сидела здесь и слушала отзывы о ней, мне показалось, что она представляет очень богатый ресурс для американцев, для тех, кто изучает Россию и Советский Союз. Как человек, который хорошо помнит Советский Союз, могу еще раз вас уверить, что мы считали Советский Союз монолитом. Информации было очень мало о вашей стране, поэтому мы не знали, какие течения мысли имели здесь место. И потому эта книга даст нам новое видение того, что было в то время. Это мне напоминает, как дипломату, что в международных отношениях нельзя руководствоваться стереотипами. Очень часто бывает так, что мы, американцы, думаем: «О, россияне, они такие...» Или в других странах говорят: «О, американцы, они вот такие...» Но мы же люди, у нас разные мысли, не стереотипы. Так что я Вас сердечно благодарю за то, что Вы внесли эту мысль в наши отношения. Спасибо.